

“Места моих присутствий” (Коренблит – Мориц)

1. Общий вид	– 1.24
2. Прогулка Музы	– 1.37
3. Прекрасный портрет	– 1.16
4. В одном ряду	– 1.22
5. Сон об отце	– 1.37
6. Места моих присутствий	– 0.57
7. Душа	– 1.40
8. Проклятое счастье	– 1.37
9. Роза и рыцарь	– 1.56
10. Высокая лира	– 1.46
11. Чаще снись	– 1.34
12. Усталость	– 2.02
13. Мать	– 2.11
14. Женщина с гитарой	– 3.23
15. Это осень	– 2.19
16. Нельзя не петь	– 2.33
17. Чёрная и голубая птицы	– 3.21
18. Третий глаз	– 2.29
19. Дивный зверь	– 1.36
20. В поисках ночлега	– 0.47
21. Крылатое тело	– 1.55
22. Когда воскресла	– 1.23
23. На куски	– 2.13
24. О свежести	– 2.32
25. Мотылёк	– 1.34
26. У костра	– 3.04
<i>Общее время звучания – 50.08</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОБЩИЙ ВИД

Новизны лихорадка. Хлам
интонаций, вчерашних драм
и вчерашней крамолы ветошь.
Скрежет пляски, тяжелый рок,
и напрягшийся вновь жирок
тех, кто в оттепели так сведущ.

Стук лопаты о мерзлый грунт,
смакованье — почем же фунт
лиха, пуд незабвенной соли?..
Соблазнение чужой Судьбой,
мимоходом грабеж, разбой —
кража пытки чужой и боли,
глада, хлада, колымской тьмы,
святомученики — займы,
погорельцы — займы, терпельцы..
Лязг надежды на быстрый фарт,
на победу крапленых карт

и на куш в грандиозном дельце.

2. ПРОГУЛКА МУЗЫ

Полночный холод кислорода.
Созвездий медный купорос.
Перед окном зажгла природа
Спирали раскалённых роз.

Тропа далекая пустынна,
Безлюдна, ни души на ней,
Лишь тень, чье тело слишком длинно
Для человеческих теней.

Я узнаю осанку Музы.
Шаги распевны по слогам,
И розы, разрывая узы,
Во тьме плывут к ее ногам.

Серьезен крупный взор богини,
Сосредоточенны уста.
Пройдя насквозь, она покинет
Могучий замысел куста.

Но честно освещают грозы
Прогулку Музы в облаках
И темно-красный сверток розы
В ее натруженных руках.

3. ПРЕКРАСНЫЙ ПОРТРЕТ

Ты — девочка Господа Бога,
ты — Господа Бога дитя,
ты — песня, дорога и ветер,
и счастлива, только летя —
как ветер, дорога и песня,
как песня и ветер дорог,
как песня дороги и ветра,
который в дорогах продрог.

И дорого счастье полета,
и незачем ветру-судьбе
доказывать с помощью фото,
что крылья твои при тебе,
и солнца на них позолота,
и ночи серебряный свет...
и песни пронзительной нота —
твой самый прекрасный портрет.

4. В ОДНОМ РЯДУ

В прозрачном небе крылья звезд
Мерцают, светятся, парят,
Я слышу трав и листьев рост,
Я встала с ними в тайный ряд.

Звонящий свет ко мне приник,
 С луны стекая молодой.
 Пьянящий свежестью тростник
 Поет в одном ряду со мной.

В затылок блещет мне волна,
 Сирена — в блесках грудь! — летит,
 Кораллы, жемчуги со дна —
 Как сильно этот ряд блестит!

Нас что-то мучает одно
 В одном ряду с луной, с волной...
 И хочет воздухом окно
 Дышать в одном ряду со мной.

А я хочу в одном ряду
 С черемухой, струящей свет,
 Как водится в моём роду,
 Сливаться с музыкой планет.

5. СОН ОБ ОТЦЕ

Волны моря распахнулись,
 Кто-то ахнул в глубине,
 От испуга задохнулись
 Голоса на диком дне.

Обнажились невода,
 Там лежали города,
 А в них — жемчуги дышали
 И утопшие суда.

Там на палубах туманных —
 Братство светлое теней,
 Не для их часов карманных
 Мелкий счет текущих дней —

Только крупный, неподкупный,
 Совокупный счет веков.
 Только юность вековая,
 Невозможность роковая
 Превратиться в стариков.

Там на палубах глубинных —
 Свет тенистый, как во сне.
 И, обняв моих любимых,
 Там отец мой жил во мне.

И за волнами страданья
 Его здешнего лица —
 Голубели очертанья
 Вечно юного отца.

6. МЕСТА МОИХ ПРИСУТСТВИЙ

Какое счастье — в воду лечь
и превратиться в рыбку,
и с боку на бок перетечь
в дурацкую улыбку!..
Идет рассвет, гаситель свеч
и снов. Прервав молчанье,
нигдешность обретает речь
и музыки мычанье.
- Вы где сегодня?.. — А нигде!
Места моих присутствий —
в Нигдешности и в Никуде,
в расцвете и распутстве
садов нигдешних, в них — о, да! —
нигдешние созданья.
Вездешность — не моя среда,
простите, обитанья:
там трутся маски о крыльцо
и ловят воздух ртом.
А у меня — везде лицо,
и голое при том.

7. ДУША

Кто так светится? Душа.
Кто ее зажег?
Детский лепет, нежный трепет,
Маковый лужок.

Кто так мечется? Душа.
Кто ее обжег?
Смерч летящий, бич свистящий,
Ледяной дружок.

Кто там со свечой? Душа.
Кто вокруг стола?
Один моряк, один рыбак
Из её села.

Кто там на небе? Душа.
Почему не здесь?
Возвратилась к бабкам, дедкам,
И рассказывает предкам
Всё как есть;

А они ей говорят — Не беда,
Не тоскуй ты по ногам и рукам.
Ты зато теперь — душа, ты — звезда
Всем на свете морякам, рыбакам.

8. ПРОКЛЯТОЕ СЧАСТЬЕ

В этой деревне, на этой веранде,
В сумраке сада, в холодное лето
Под грохотанье железной дороги

Нами была эта песенка спета.

Ветер насвистывал, сосны трубили,
Дождь барабанил ее беспробудно.
Соль океана была в этой песне,
Пьяный матрос и летящее судно.

Падали звезды, скрипели ворота,
Плакала свечка на глиняной плошке —
Пьяный матрос не хотел возвращаться
Ни по земной, ни по водной дорожке,

Только хотел он, чтоб судно летело,
Чтобы качалось, ходило кругами,
Чтобы нетвердая, зыбкая почва
Вечно плыла у него под ногами!

В этом — проклятое счастье матроса,
В этом — проклятое счастье поэта,
Неукротимое наше влечение
Стать веществом нерастленного света,

Музыкой звезд, океанов и кленов,
Добрей зеленых, песков раскаленных...
А под конец этой песенки вышли
Слезы из глаз и маяк из туманов.

9. РОЗА И РЫЦАРЬ

В историческом тумане
Ехал рыцарь с поля брани,
Молодой он был да ранний —
Издали видать.
Пыль клубится, свищет птица,
Кружева плетет девица, —
«Роза жизни, дай напиток!»
Отчего же рыцарю не дать?

В историческом тумане
Вышла Роза в сарафане,
Поднесла водицы в жбане —
Издали видать.
Рыцарь выпил жбан водицы,
Спрыгнул с белой кобылицы,
«Роза жизни, дай влюбиться!»
Отчего же рыцарю не дать?

В историческом тумане
Роза с рыцарем в романе,
Ах, само очарованье —
Издали видать.
Рыцарь — в пламе, рыцарь — в плене:
«Роза жизни, ослепление,
Дай мне губы, дай колени,

Дай мне жажды утоленья!»
Отчего же рыцарю не дать?

В историческом тумане
Слышно тихое рыданье,
Вот и кончено свиданье —
Издали видать.
Рыцарь просит на дорогу:
«Роза жизни, дай мне грогу!
Дай мне грогу на дорогу,
Дай мне в путь баранью ногу!»
Отчего же рыцарю не дать?

Роза жизни, ты прекрасна,
Ты жемчужна, ты алмазна,
Ты грешна, полна соблазна, —
Рыцарю ли врать?
Роза дарит на прощанье
Золотое вышиванье,
Слезы, сладость расставанья...
Отчего же рыцарю не брать?

10. ВЫСОКАЯ ЛИРА

На такой глубине расцветает коралл
И свернулись ракушками песни на дне, —
Что не может быть речи о низкой цене
На такой глубине, в гробовой тишине.

На такой глубине утонувший корабль
Горько пьянствует с вечностью наедине
И баллады поет в летаргическом сне,
Зная все о тебе, зная все обо мне.

Если б не было скал и подводных камней,
Если б нас от волны не швыряло к волне,
Кто бы знал, что творится в твоей и моей,
Что творится в душе на такой глубине?

На куски был разорван несчастный Орфей
На такой глубине, в гробовой тишине,
Но висит его Лира в такой вышине,
Что не может быть речи о низкой цене!

11. ЧАЩЕ СНИСЬ

Не вспоминай меня. И не забудь.
Мы не расстались, мы растаяли с тобою,
мы глубоко влились в единый путь,
где след не оставляется стопою.

На том пути любой преображен
и в силах приподняться над сейчасом,
где здравый смысл иных мужей и жен
не сыт любовью, хлебом, жизнью, мясом,

не сыт весельем и печалью дней,
не сыт свободой, силою и славой.
И вот, один другого голодней,
грызут науку сытости кровавой.

А я сыта по горло всем, что есть,
и голод мой не утолит добыча!
Не возвращайся. Встретимся не здесь,
а в голубом, воркуя и курлыча.

Не вспоминай меня. И не забудь.
Пускай как есть — не дальше и не ближе.
Подольше не давай меня задуть
и чаще снись — во сне я лучше вижу!

12. УСТАЛОСТЬ

Из стенки я выдеру с мясом
урчащий с утра телефон,
которым всю жизнь опоясан
мой завтрак, и ужин, и сон!

Простите, я очень устала
и выслушать вас не могу.
Чудовищный грохот металла
в моем нарастает мозгу.

Не в силах я скрыть раздраженья,
отчаянья, лютой тоски.
Спасет меня только скольжение
сонаты, где стонут смычки!

Хочу я послушать пластинку,
забыться и вспомнить свое,
скользить, превратясь в паутинку,
в тончайших коклюшек витье...

Меж веток, слезливых и клейких,
повиснуть во сне дождевом
хрустальным росточком из лейки,
ушедшим в себя существом.

И в час возгорания купавы
увидеть заветный пожар,
а после, как чашу отравы,
испытать пробужденья кошмар,

отпрянуть иглу от пластинки,
которая кончилась вся,
и выйти, как вещь из починки,
без усталости пользы неся.

13. МАТЬ

Отворяю семь дверей —
 Больно перепонкам.
 За последней из дверей —
 Сердце матери моей
 Над моим ребенком.

Там скорлупкам нет числа,
 Слишком дело хрупко!
 Кипяченые масла
 Для младенца припасла
 Белая голубка.

Колдованьем над питьем
 Голову ломая,
 Упивается дитем,
 Этим новеньким житьем,
 Горлица хромая.

И, держа на животе
 Ляльку в одеяле,
 Что-то варит на плите,
 Чтобы ноги при дите
 В старость не хромали.

Вот и счастье — что жива,
 Слабая, как муха.
 Ей младенца голова
 Подставляет под слова
 Золотое ухо.

Мне не слышно в стороне,
 Что это за речи.
 А оно растёт во сне,
 А оно уже вполне
 Ликом человечье.

А она живет при нем,
 Меньшится воочью,
 Словно ветка над огнем;
 Это больно видеть днем,
 Но больнее — ночью.

14. ЖЕНЩИНА С ГИТАРОЙ

Если проснуться – действительность видно сквозь иней,
 Сквозь кристаллически синий осадок оконный.
 Дождик осенний играет на лире на синей,
 Женщина в парке бренчит на гитаре зелёной.

Мысленный взор за пределами зримого мира
 Быстро включает метафор передние фары —
 Мимо проносится дождика синяя лира,
 Женщина в ботах и с гирей зелёной гитары!

Хруст неизвестности слышен и рядом, и выше.
 В сердце — прохлада и жуткая тишь снегопада,
 Кто-то оркестрам вселенной скомандовал: «Тише!
 Если не можете тише — так вовсе не надо!»

Замерли черные галки в небесной прогулке,
 Позами Гамлета выстолбив ярусы сосен.
 В цинке рассвета, как прачка, синя переулки,
 Желтое с синим вгоняет в зеленое осень.

Сердце, взломай глухоту герметической тары,
 Хором судьбы разразись на линейках клавира!
 Женщина держит зеленую гирю гитары,
 Мимо проносится дождика синяя лира.

Женщина в ботах бренчит на гитаре зеленой,
 Дождик, осенний играет на лире на синей.
 Сколько же можно давиться слезою соленой
 И, холодея, разжевывать утренний иней!

Женщина в ботах и с гирей зеленой гитары,
 Дождик осенний с голубенькой лирой в обнимку, —
 Я выключаю метафор передние фары!
 Я не хочу до поры превратиться в травинку.

15. ЭТО ОСЕНЬ

Запах пены Морской и горящей листвы,
 И цыганские взоры ворон привокзальных.
 Это осень, мой друг! Это волны молвы
 О вещах шерстяных и простудах банальных.

Кто зубами стучит в облаках октября,
 Кастаньетами клацает у колоколен?
 Это осень, мой друг! Это клюв журавля,
 Это звук сотрясаемых в яблоке зерен.

Лишь бульварный фонарь в это время цветущ,
 На чугунных ветвях темноту освещая.
 Это осень, мой друг! Это свежая тушь
 Расползается, тщательно дни сокращая.

Скоро все, что способно, покроется льдом,
 Синей толщей классической твердой обложки.
 Это осень, мой друг! Это мысли о том,
 Как кормить стариков и младенцев из ложки,

Как дрожать одному надо всеми людьми,
 Словно ивовый лист или кто его знает...
 Это осень, мой друг! Это слезы любви —
 Ко всему, что без этой любви умирает.

16. НЕЛЬЗЯ НЕ ПЕТЬ

Идут, как танки, облака,
И ливни льют.
В стеклянной банке три цветка,
Пылая, пьют.

И осень тянется века.
И воздух сплошь —
Капустный хруст дождевика,
Одно и то ж!

Скрипит в глуши твой дом с трубой,
Как тот ковчег,
Пойдешь за хлебом — дождь с тобой,
Вернешься — снег.

Нельзя не петь в такие дни,
В такой тени!
Свою мелодию тяни,
Тяни, тяни.

Хрипи, дитя мое, звени,
Хрипи — звени, тяни — толкай,
Но только, Боже сохрани,
Не умолкай!

В такие дни поет всегда
Водопровод.
Мы — не одни, поет вода,
Стакан поет.

Мы не одни —
Поет вода, поет стакан.
В такие дни
Поет последний истукан!

Нельзя не петь в такие дни —
Мы не одни!
Свою мелодию тяни,
Тяни, тяни.

Хрипи, дитя мое, звени,
Хрипи — звени, тяни — толкай,
Но только, Боже сохрани,
Не умолкай!

17. ЧЁРНАЯ И ГОЛУБАЯ ПТИЦЫ

Снега выпадают и денно, и ночью,
Стремятся на землю, дома огибая.
По городу бродят и денно, и ночью
Я, чёрная птица, и ты, голубая.

Над Ригой шумят, шелестят снегопады,

Утопли дороги, недвижны трамваи.
Сидят на перилах чугунной ограды
Я, черная птица, и ты, голубая.

В тумане, как в бане из вопля Феллини,
Плывут воспарения ада и рая,
Стирая реалии ликов и линий,
Я — черная птица, а ты — голубая.

Согласно прогнозу последних известий,
Неделю нам жить, во снегах утопая.
А в городе вести: скитаются вместе
Та, черная птица, и та, голубая,

Две птицы скитаются в зарослях белых,
Высокие горла в снегу выгибая.
Две птицы молчащих. Наверное, беглых!
Я — черная птица, и ты — голубая.

Качаются лампочки сторожевые,
Качаются дворники, снег выгребая.
Молчащие, беглые, полуживые,
Я — черная птица, и ты — голубая.

Снега, снегопады, великие снеги!
По самое горло в снегу утопая,
Бежали и бродят — ах, в кои-то веки —
Та, черная птица, и та, голубая.

18. ТРЕТИЙ ГЛАЗ

Земля плыла под белым паром,
На хвое шелестели свечи,
И новый год за годом старым
Сошел на землю издалече.

Благоухали звезды в сотах,
Мой дух на волю был отпущен —
И третий глаз расцвел, как лотос,
Сияя в прошлом и в грядущем.

И ожиданье озарилось
Огнем кораллов и жемчужин,
И море настезь отворилось —
И вышел тот, кто был мне нужен.

Из моря вышел Нострадамус,
Предрек сомнения у цели.
Я поняла, что настрадаюсь
Не больше, чем поток в ущелье.

— Что будет? — воздух я спросила.
— Ты будешь помнить путь лучистый,
Где третий глаз во лбу носила,

Чтоб ясновидеть свет ветвистый.

— Что ныне? Дай мне ясность духа! —
 — Ответил воздух: — Ты с тобою. —
 И стали страхи легче пуха,
 И воздух пел над головою.

И чувство будущего было
 Сильней моей двуглазой грусти,
 И воздух пел о том, что сила
 Поэзии — лишь в этом чувстве.

19. ДИВНЫЙ ЗВЕРЬ

Дивный какой я зверь —
 весь в золотом руне.
 Шкура моя в цене —
 завтра, вчера, теперь!..

Мимо идут потомки
 в шапках, сделанных из меня.
 Их красотки стройны и тонки
 в шубах, сделанных из меня.

...Снег на исходе дня
 делается небесней.
 Кто-то промчался с песней,
 Сделанной из меня.

20. В ПОИСКАХ НОЧЛЕГА

В серебряном столбе
 Рождественского снега
 Отправимся к себе
 На поиски ночлега,

Носком одной ноги
 Толкнем другую в пятку
 И снимем сапоги,
 Не повредив заплатку.

В кофейнике шурша,
 Гадательный напиток
 Напомнит, что душа —
 Не мера, а избыток,

И что талант — не смесь
 Всего, что любят люди,
 А худшее, что есть,
 И лучшее, что будет.

21. КРЫЛАТОЕ ТЕЛО

Под этим снегом спит моя земля,
 моя трава и мой цветок заветный.
 Как волны за бортами корабля,

Сугробы наплывают в час рассветный...

Фонарь во мгле мерцает маяком,
и мачтою скрипит под ветром тополь...
Переплываешь сквер одним рывком,
захлебываясь вьюжистым потоком.

И в этой зыбкости, в болтанке штормовой,
Ведя за ручку сонного ребенка,
ты задеваешь звезды головой, —
чтоб знал, как хорошо с тобой, как звонко,

как ничего не страшно, как светло,
как нежно, как таинственно, как свято!..
Как сердце высоко твое цвело
над снеговыми безднами Арбата...

Как пело, как серебряно мело,
как весело, как плавно вы летели,
как сердце высоко твое цвело
и улыбалась боль в крылатом теле.

22. КОГДА ВОСКРЕСЛА

Та ведь боль еще и болью не была,
Так... сквозь сердце пролетевшая стрела.
Та стрела еще стрелою не была,
Так... тупая, бесталанная игла.
Та игла еще иглою не была,
Так... мифический дежурный клюв орла.
Жаль, что я от этой боли умерла.
Ведь потом, когда воскресла, путь нашла, —
Белый ветер мне шепнул из-за угла,
Снег, морозом раскаленный добела,
Волны сизого оконного стекла,
Корни темного дубового стола, —
Стали бить они во все колокола:
«Та ведь боль еще и болью не была,
Так... любовь ножом по горлу провела».

23. НА КУСКИ

Походил со мной на базары,
Постирал со мною пеленки,
Потаскал со мной чемоданы
И растаял как дым во мраке.
И сказал он: — Ты мне не пара,
Ты со мною одной силенки.
На тебе заживают раны —
Как на собаке.

Я сто лет его не видала,
Я сто лет прожила с другими,
Я забыла глаза, и голос,
И улыбок его косяки.

Я и дня по нем не страдала!
 Ни товарищи, ни враги мы,
 Но лицо мое расколосось
 От ярости на куски.

Возвратился ко мне он старый,
 Возвратился уже не звонкий,
 Возвратился уже не пьяный
 От надежд — не горящий факел.
 И сказал: — Я тебе не пара.
 Не имею твоей силенки.
 Не на мне заживают раны —
 Как на собаке.

Я сто лет его не видала.
 Я сто лет прожила с другими.
 Я забыла глаза, и голос,
 И улыбок его косяки.
 Я и дня по нем не страдала!
 Ни товарищи, ни враги мы,
 Но лицо мое расколосось
 От радости на куски.

24. О СВЕЖЕСТИ

Этот ветер уже грохотал надо мной,
 Эти листья уже надо мною клубились!
 Эта песня так часто бывала родной,
 Что на вечные веки слова позабылись.

Что же тратится сердце и катится вспять,
 В изначальные дни, в колыбельную мякоть,
 Где так много приходится плакать и спать,
 Чтобы в будущем вовсе не спать и не плакать!

На какое сияние взор обратив
 И язык проглотив от какого испуга,
 Мы поймаем по первому разу мотив,
 Столько раз пережитый, что помнится туго?

На какой глубине и в какой вышине
 Нам сегодня искать и в какой оболочке,
 Этот бас первообраза, гром в тишине,
 Объяснимый вполне громыханием бочки?

За какой из фанерных конторок платить
 По счетам, расшумевшимся утром туманным?
 Что спустить подчистую и что возвратить,
 Чтоб на первоисточник бежать со стаканом?

Но мотив прозвучал! И незримый причал
 Прокричал изловчиться и так излучиться,
 Чтобы занавес дрогнул и опыт молчал,
 Облегчая к началу начал возвратиться.

А всего-то и надо - сгуститься на миг,
 Да родиться легко и вперед головою,
 Да не мучая тучку, где брызжет родник,
 Да! не мучая! впитаться губами в живое.

25. МОТЫЛЁК

Бывают здесь такие дни,
 когда лазурь и позолота
 окрашивает все болота,
 все крылышки и все ступни.

Лет на семьсот — на восемьсот
 я становлюсь тогда моложе,
 подхватит ветер и несет —
 куда? — об этом вспомню позже!

Об этом тоже вам спою,
 когда молчанье станет пыткой,
 А ныне — я вон там парю,
 под синей с золотом накидкой.

И астроном издалека,
 следя за солнцем и луною,
 впервые видит мотылька
 с таким лицом и сединою.

26. У КОСТРА

Эта ветвь насладилась, отсохла, и ей не зацвествь,
 Ближе к правде — в костре у садовника ветвь полыхает,
 Жаркой розой цветет и по воздуху пеплом порхает
 И вздыхает, как бабочка, слушая вечности весть.

Эти струны и клавиши, вечности добрые вести,
 Распечатало пламя, расплавивши тайны сургуч.
 Тайна тайн — отворилась, там веточки вечности — вместе,
 Словно сверстницы шепчутся, тайно закрывшись на ключ:

«Сколько лет, сколько зим? Сколько соков горчайших, сладчайших
 Сквозь нее пронеслось, осыпая цветами! Пора!
 Это — вечности ветвь, не ее ли в неведомых чащах
 Окликают ветра и сестра её ищет с утра?»

Это мы на природу напялили маску бессмертья,
 От которой при мысли о смерти — страшнее стократ!
 Пусть отсохшую веточку лижет, и кружит, и вертит
 Краснощекий огонь — это вовсе не смерть, а возврат!

Это — вечность, она никого никогда не теряла.
 Это — вечность, и нам у нее не отнять ни за что —
 Даже веточки, ниточки, выпавшей из матерьяла!
 Это — вечность, и нас у нее не отнимет никто.